

РОДОВАЯ МИФОЛОГИЯ А. И. РОММА

Александр Ильич Ромм (1898–1943), «поэт, филолог, интеллигент, переводчик»¹, остался «тенью» в чужих судьбах. Все сочинено, но не записано. Читателем, не изучавшим специально историю литературы, его имя почти забыто. Книга «Ночной смотр» (1927), куда вошли 24 стихотворения, была опубликована тиражом в 700 экземпляров. Это далеко не маленький тираж². Но, по свидетельствам друзей, А.В. Чичерина и С.Я. Парнок, Ромма разочаровал первый сборник. И поэт «вскоре полностью скупил его тираж» [Громова, 2006: 27]. Ныне книга практически недоступна. Скучность сведений отчасти объясняет отсутствие исследовательского интереса к этому эпизоду русской культуры. До сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительного издания сочинений Ромма. Подборку стихов в Интернет-журнале подготовил М.Л. Гаспаров, предварив ее биографической справкой [Ромм, 2002].

Ромм был среди тех, кто продолжал классическую традицию в поэзии. В.К. Звягинцева, М.А. Зенкевич, К.А. Липскеров и др. завершали Серебряный век; их называли неоклассиками. София Парнок пишет о поэтах, «кому на долю выпало печальное событие быть последними в роде». Она определяет родовые особенности «сверстников». С их поколением отмирает не поэзия, но «пушкинский период ее, то есть поэзия – как духовный подвиг» [Парнок, 1999: 101]. Мало что успевший завершить, Ромм является идеальным символом того поколения, которое видело закат Серебряного века. Вокруг него сама по себе создается атмосфера некоторой приглушенности эмоциональных реакций и интонаций. Только внутреннее содержание этой атмосферы может быть очень разным³.

Официальный *cursus honorum* А.И. Ромма предстает в следующем виде. Закончил историко-филологический факультет МГУ, был членом президиума Московского Лингвистического Клуба (МЛК). Участвовал в альманахах «Гиперборей» и «Мнемозина»⁴. Его литературный вкус был безупречным и взыскательным. Как и многие участники МЛК, занимался переводами и теорией перевода⁵. В МЛК представлен целый ряд филологических, исторических, философских вопросов перевода. В этом

---

¹ Из письма Михаила Ромма от 26 апреля 1928 г. [Ромм, 2001: 164].

² Напр., единственный сборник стихов его друга Бориса Горнунга был издан в 1925 г. в 50-ти экземплярах.

³ См.: [Васильева, 2010: 1108–1113]. Публикация этой статьи избавляет меня от необходимости более подробного освещения некоторых вопросов в данном сообщении, дает возможность сконцентрироваться на иных темах.

⁴ См. об этом: [Поливанов, 1993: 46–49].

⁵ См., напр.: [Нейштадт, 1923]. 5 марта 1925 г. А. Ромм выступил в ГАХН с докладом «Оригинал и перевод» [Тоддес, Чудакова, 1981: 230].

проявилось типичное для эпохи Серебряного века сближение науки и художественной культуры. В письмах будущего кинорежиссера Михаила Ромма к брату – наряду с обращениями «дорогой единоутробник», «дорогой орденоносный брат-моряк», «дорогой подполковник» – есть и такое: «дорогой брат и переводчик» [Ромм, 2001: 172, 179, 182, 162]. Михаил Ромм пишет об областях, где бы Александр мог проявить свою одаренность. Его будущие достижения он вписывает в стратегию движения вдаль от проторенных дорог, с их густой сетью институциональных условностей. «Твое честолюбие особого сорта: оно не может быть удовлетворено ни выпуском книжки стихов, ни рецензией перевода, ни докладом в ГАХНе (во всяком случае, удовлетворение на сколько-нибудь продолжительный срок). Кто там у Ницше алчет духом? Конь? Лев? Ребенок? По-видимому, последнее и есть то самое, что нужно, и значит недаром мне пришла в голову военная служба. Нужно тебе раз и навсегда осознать прочно, что карьера – всякая карьера – это не наше с тобой дело и не нашей талантливости абсолютный тон» [Ромм, 2001: 164]. Оба брата понимали, что в освященных многовековой историей дисциплинах и в поэзии ренту извлечь нельзя.

Поэты жили в тесных дружеских кружках. Члены МЛК представляли, прежде всего, как персональное воплощение этимологического значения слова «филология». Они любили язык во всех его проявлениях: будь то общеславянское языковое единство, башкирский фольклор, говоры, речения, находящиеся на грани между языком и поэзией, или же развитые формы индивидуальной поэтической речи. Главной идеей было рождение слова, интерпретирующего или расширявающего реальность в ее разумных формах.

Изучение классических языков им нужно для того, чтобы выработать приемы для освоения любого языка. Ведь «кто знает язык, тому все доступно: и жизнь, и поэзия, и искусство, и мысль того народа, чей язык он знает»⁶. Очередной логический шаг заключается в следующем: учить чужие языки необходимо, чтобы уметь переводить. Именно перевод является условием разговора. Из технического лингвистического понятия он становится принципом философской рефлексии [Якобсон, 1985: 361–368]. Переводами в широком смысле слова фактически оказывались различные сдвинутые (относительно времени создания) рецензии творчества писателей, ученых. Для художественного опыта Ромм ищет лингвистические основания, принимая во внимание различие подходов. Осмысливая схождения художественных и лингвистических практик, поэт демонстрировал глубокое понимание эволюции и актуального состояния лингвистики. Ромм переводил «Cours de linguistique générale» Ф. де Соссюра. Впрочем, перевод был прерван недовольством Ш. Балли. Французский лингвист Женевской школы, ученик и последователь Ф. де

---

⁶ Письмо Г. Г. Шпета к дочери Леноре от 16 декабря 1919 г. [Шпет, 2005: 291].

Соссюра полагал, что переводчик не согласовал свои намерения с издателем⁷.

Ромм скептически относился к «философам языка». Для него существует прежде всего лингвистический предмет исследования. Ученый стремится опереться на строгую чистоту критериев современной лингвистики. Однако речь идет не только об исследовании языка, но о лингвистической проблематике в самом широком смысле слова. Природа смысловых единиц последовательно усложнялась в его работах от «сем» до целостных «состояний души», которые традиционно принято называть страстями. Поэт и ученый старается сосредоточиться на анализе общих мыслительных тенденций, возможностей эпохи, запечатленных в ее дискурсивных практиках. Ему близки взгляды Соссюра, для которого письмо было не столько самостоятельной знаковой системой (хотя формально он и признавал ее независимость), сколько образом, репрезентацией звуковой системы языка. Ромм обобщает идею «сонантических коэффициентов» Ф. де Соссюра, высказанную им еще в знаменитом «*Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*» (1878).

Одна замечательная мысль Соссюра пока еще не получила плодотворного развития. Лингвистика и другие семиотические дисциплины оперируют, как и экономика, категорией ценности. Именно поэтому в них необходимо строго разделять синхронный срез и диахронию. Как и по отношению к биологической, социальной эволюции человека, особую значимость приобретает выявление в синхронном состоянии языка унаследованных архаических черт.

Язык и культура – это система, где все «держится» одно за другое. Интеллектуальным контрапунктом становится проблема разговора (диалога – по современной литературоведческой терминологии). Ромма интересует разговорный анализ, разговор во всей его целостности: смена речевых действий, эмоциональные интонации, экспрессивные звуко сочетания в непосредственном живом разговоре, обстановка и атмосфера⁸. Может возникнуть мысль о том, что речь идет о сопоставлении с концепцией диалога в духе Бахтина. Такова для большинства читателей первая ассоциация при слове «диалог». Идея разговора у Ромма радикально отличается от бахтинской, а иногда оказывается противоположной ей по смыслу. М.М. Бахтин неоднократно подчеркивал, что для него важны не системы и коды, но «голоса». «Последовательная формализация и деперсонализация: все отношения носят логический (в широком смысле слова) характер. Я же во всем слышу *голоса* и диалогические отношения между ними» [Бахтин, 2002: 434].

---

⁷ См. об этом: [Вельмезова, Щедрина, 2009:106–126].

⁸ По сути эта тематика вписывается в дискуссию о разговоре между Г.Г. Гадамером, Р.Рорти и М.М. Бахтиным, которую реконструировал Дон Бялостоцки. [Бялостоцки, 2004: 75–87]. См. также: [Балли, 2003].

Ромм трактует «разговор», развивая структурно-семиотические позиции: это попеременный обмен репликами между говорящим и слушающим. Речь идет о смене позиций «прием – передача» как общесемиотическом и лингвистическом механизме. У Бахтина мы вряд ли вспомним хотя бы один контекст, где диалог трактуется подобным образом. Далее, у Ромма позиции тех, кто вступил в общение, ассиметричны. Люди говорят на «разных языках», и семиотические структуры этих языков различны. Фактически любой разговор возможен лишь при наличии общего языка. Но для того чтобы его выработать, нужен перевод. Члены МЛК понимали перевод не только в узком и собственном смысле слова: с языка на язык. Фактически любое преобразование опыта в текст является переводом. Культура, по убеждению Ромма, функционирует как знаковая система. Основным структурным (и структурирующим) устройством в ней выступает естественный язык. Поэтому проблема перевода возникает в тот момент, когда жизненный опыт претворяется в культуру.

Установленное «родство» и «братство». Родовая мифология, созданная поэтом, воплотилась в его творчестве, в книге «Ночной смотр»⁹. Принцип соединения «кровей» является значимым для биографического мифа Ромма. Он представляет себя наследником разных этносов и национальных культур. Размышления о взаимоотношениях Востока и Запада оказываются фоном и формой для раздумий о собственном происхождении. Ромм писал:

Чужой судьбы сочувственный изменник
И перекройщик собственной судьбы,
Я двух миров невыкупленный пленник
И безразличный зритель их борьбы
[Ромм, 1927: 21]

У поэта не было универсалистских амбиций. Это устремление означало бы непременною ассимиляцию и отречение от своих корней. Ромм считал себя потомком иерусалимских изгнанников. Они, по словам библейского пророка Овадьи, оказались «в Сефараде» [3 Цар. 17, 9]. Говорили они на ладино – испано-еврейском языке сефардов, сохранявшем некоторые архаические черты¹⁰. Одно из оснований для формирования характера его предков – то рассеяние по миру, которое было предназначено им. Судьба определила дальние пути. Возникает сложный выбор. Пытаться стать «своим» далеко не всегда означает прагматическое приспособление. Часто это искреннее желание понять другого. А.И. Ромм в стилизации «Не служивал царю мой дальний прашур» квалифицировал своего предка так:

Наверно, талмудический филолог

⁹ Цитаты приводятся по данному изданию с указанием страницы в тексте статьи [Ромм, 1927].

¹⁰ См.: [Lipski, 1998: 24–25]. Одна из лучших книг на эту тему: [Стоу, 2007].

В какой-нибудь ученой Саламанке,
Еврейских букв священные квадраты,
Которых не умею я читать, –
Сухому и горячему экстазу
Раскачиваясь в такт, следил он жадно,
Цепями раскаленных силлогизмов
Вплетаясь в сеть презрительных веков
[Ромм, 1927: 13]

Характерной особенностью является риторическая отсылка к «Моей родословной» Пушкина (1830). С эпохи Просвещения признание Республики Словесности основывалось на том, что люди образованные и мыслящие составляли особую социальную категорию. Они были «ближе друг к другу, чем к своим соотечественникам, коллегам или представителям соответствующих социальных слоев» [Тавареш, 2009: 164]. В русской культуре существовал интеллектуальный спрос на употребление «подобий»¹¹. В «Воспоминаниях о Пушкине» (1866) приводится остроумное (учитывая наличие «дяди-поэта» – В.Л. Пушкина) упоминание аллегорического родства с Назомом как «двоуродного»: «Так [«Спартанцем» – Г.В.] Александр Сергеевич и прежде называл В.Ф. Раевского, а этот его – Овидиевым племянником» [Мир Пушкина, 1990: 72]. Метафорические «сближения по сходству» с вымышленными или историческими персонажами могли быть (в меру «остроты ума») довольно прихотливы. К «сближению» современника с его легендарным прототипом располагали внешняя похожесть адресата какого-либо дружеского послания на эталонную персону (иконографические сведения о героях подчас довольно скудны) – и, в особенности, подобие положений.

В русской поэзии XX в. не были редкостью родовые мифологии, созданные на основе многонациональных семейных линий: от лирических «Моих предков» (1907) М.А. Кузмина до декларативной «Родословной» (1959) Ю.И. Айхенвальда и «Родословной» (1964) Вениамина Блаженных¹². В поэтическом смысле так же достаточно традиционна тема Испании (ср. баллада Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем»). Лермонтов какое-то время искал себе еврейских предков и создал «еврейскую» драму «Испанцы» (1830). Стихотворение Пушкина «Альфонс садится на коня» (1836) написано по мотивам «Manuscrit trouvé à Saragosse» Яна Поттоцкого (1804). Главный герой произведения – молодой дворянин фламандско-испанского происхождения Альфонс ван Ворден.

Нетривиальны в личной мифологии Ромма два момента. Во-первых, речь идет о религиозном типе интеллектуализма.

---

¹¹ Определение «степеней родства» в писательской среде по ряду сюжетов и общей интенции восходит к литературной полемике XVIII века. См.: [Степанов, 1986: 226–227].

¹² Этот псевдоним Айзенштадта являлся как бы родовым именем и говорил скорее о предках его носителя.

Конфессиональная практика, а именно талмудическое ученичество, была нормой в еврейской диаспоре. Она задавала первичные правила поведения людей и, более того, питала систему общепринятых ценностей. На ее вершине находилось знание, ценившееся более всех богатств. Для того, чтобы постичь книжное учение, нужно было приобрести целый ряд навыков: умение слушать наставников, усидчивость, привычка к добросовестному собиранию фактов, грамотность. Во-вторых, лингвистическая составляющая родовой мифологии, лингвистический «портрет». Ромм был одержим изучением языков. По его работам читатель может судить, какими языками он в той или иной степени владеет. Ромм связывает это знание с историей своей семьи. Установленное «родство» усугубляется версией «братства»:

Так у меня подходит к горлу сердце,
Когда сию над трудным местом Плавта:
Не кровь струится в побледневших жилах,
Но древняя и горькая вода,
Замешанная пылью библиотек
[Ромм, 1927: 13]

В «Письме о судьбе» Ромм отмечал: «И я думаю, что именно в языке народа мы можем найти воздух судьбы [...] Самое русское слово *судьба* существенно связано не только с назначенным, предуказанным, но и с обдуманым, осозанным» [Ромм, 1994: 216]. Так, начинаясь художественной отгадкой, судьба завершается осозанным действием.

«*Ночной смотр*»: *риторика визуального образа*. Одноименное сочинение уже было в истории культуры. «Ночной смотр» (1836) – так называлась баллада В.А. Жуковского. Это перевод стихотворения «Die nächtliche Heerschau» (1827) австрийского поэта И.Х. фон Цедлица. Как известно, баллада посвящена Наполеону, недавнему противнику России. Место действия – Бургундия, родина Андре Шенье. В первые послереволюционные годы Ромм перевел три антологических стихотворения Андре Шенье [Шенье, 1995: 396–397].

Б.В. Горнунг откликнулся («Посланием А.И. Ромму (В ответ на посвящение сборника "Ночной смотр"»)). Друг указывал прежде всего на пушкинскую традицию и психологический строй поэзии Жуковского и Пушкина, автора элегии «Андрей Шенье» (1825): «[...] и утром воскресающей отчизны, / В Псалмах врачуя ранние обиды, / Помолимся о сне его души» [Горнунг, 2001: 125].

И все же при первом знакомстве с произведением важно отойти от достоверности смыслов, которые «сами собой разумеются». Это нелегкая процедура – отказать нашим прежним культурным запасам – с «пособничеством». Безусловно, название поэтического сборника Ромма – с «открытым исходом». Здесь соединяются два разных измерения: «краткое теперь» и «бесконечное завтра». На мой взгляд, заглавие соотносится с понятием «шаубенахт» (шаутбенахт). Слово заимствовано Петром Великим из нидерландского языка: «schout bij nacht» значит *смотри ночью*. В годы

войны А.И. Ромм станет интендантом II ранга, военным корреспондентом Черноморского флота. Лингвист, он не мог не знать, что слово «шаубенахт» обозначало чин младшего морского генерала, соответствующий нынешнему контр-адмиралу. Это звание присваивается офицеру, который находится на передовом корабле флота и прозревает опасности в ночи. Очевидно, что название сборника задает высокое отношение к миссии поэта, впередсмотрящего. Отзываясь на поэтические опыты младшего брата, Михаил Ромм в письме от 27 января 1928 г. отмечал «очень большую точность и собранность глаза» [Ромм, 2001: 155].

Предметом размышлений становится конвенциональное суждение глаза. Глаз – солнце, Божие око, берег. Подобный оберегающий знак можно увидеть на борту каталонских рыбацких лодок. Только для современного мастера смысл древней мудрости «Я смотрю – значит я существую» (слова откровения из древнеегипетской «Книги мертвых») не отягощен ни мифом, ни мистикой, ни суеверием. Поэт пытается осмыслить эволюцию визуальности и систем пространственных построений: от элементарно-ритмических форм и перспективы до бесконечного пространства-времени. Ромм продолжил классическую традицию художественно-лингвистических штудий и обращения художников – для прояснения визуальных апорий – к лингвистике как идеалу синтетического постижения мира. В его любимой науке был воплощен методологический идеал классической *clarté*. Ромм представил опыт формирования нового художественного языка, преодолевающего диссоциацию времени и пространства. Визуальность замедляет время или даже его останавливает. Гётевское «замирание времени» здесь явлено сполна.

Поэтика сборника Ромма соотносится также с жанром пассакалии (исп. *passacalle*, от *pasar* — *проходить* и *calle* — *улица*). Пассакалия имеет в своей основе испанские корни. Она состоит из серии вариаций на неизменную тему, как правило, *basso ostinato*. Медленная и по содержанию скорбная, пассакалия имеет торжественный характер. Для Ромма важно, что это музыка без слов: именование вещи в другом языке неизбежно ведет к иной фонетике слова¹³. Поэт не мог бы игнорировать музыкально-фонетическую целостность источника. Выразительность вокальной интонации сочиняется композитором в расчете на ее озвучивание посредством определенных гласных и согласных, наличия нужных слогов в слове и ритма всей фразы. Стихотворения в сборнике «Ночной смотр» тематически и метрически однородны. Это позволяет исключить любой намек на «игровую» (в широком смысле) природу текстов, обратиться к профетической функции поэзии, в принципе чуждающейся формальных изысков.

Глухой гримасою землетрясения
Еще искажено лицо земли,

---

¹³ Попытка привить национально-испанскую стиховую форму на русской почве была уже сделана: катенинский вариант стиха испанских романсов.

И отгулом вчерашних катастроф
Еще невольно вздрагивает сердце.
И человечество, под голым небом
Голодный, голый, выгнанный Адам,
Дрожит на налетающем ветру,
На только что осевшем континенте
[Ромм, 1927: 9].

Знаменательно, что именно в романтической теории искусства Фридриха Шлегеля метафора «музыка жизни» приобрела характер научного термина [Берковский, 2001: 98–105]. Эту «музыку жизни» Ромм понимает прежде всего как музыку *жизни*, и лишь затем – как музыку «небесных сфер».

Переводы Ромма: диалектика текста и жанра. У поэта была большая переводческая практика. Она связана и с попыткой приблизиться к подлиннику, и с экспериментами, отходящими от оригинала достаточно далеко. С начала 1920-х годов А. Ромм публиковал переводы из французской и немецкой поэзии в литературно-художественном журнале «Красная новь» (где сотрудничал на договорных началах). В творчестве Ромма есть переводы из «воображаемого подлинника», которые к авторам отношения не имеют (Гидаш Антал, Эмми Сяо). Он пытается сохранить стилистико-синтаксические особенности их поэзии. И довольно много «метатranslations», если воспользоваться термином известного ученого [Эткинд, 1999: 158]. Поэт может перевести одну строку, а далее – вольная вариация на тему, намеченную в оригинале. В поэзии Ромма наглядно проявилась диалектика малого и большого контекстов. Обратимся к переводу баллады Гёте «Vor Gericht» (1776) [Goethe, 1989, 1: 85]. Его взгляд на творчество Гёте – это не столько рецепция, сколько избирательная интерпретация. Перевод точный, иногда дословный. Приведу третье четверостишие:

Soll Spott und Hohn getragen sein,
Trag' ich allein den Hohn.
Ich kenn' ihn wohl, er kennt mich wohl,
Und Gott weiß auch davon.

Коль надо стыд и срам снести,
Одна снесу я стыд.
Я знаю его, он знает меня,
А Бог на обоих глядит.

«Spott und Hohn» (насмешка и глумление) Ромм переводит как «стыд и срам». Мотив стыда органически присущ если не этой ранней балладе Гёте, то трагедии «Фауст». Жанр был для Ромма «большим контекстом», преодолевающим тесные рамки «малого» контекста: эмпирически данного оригинала. С ориентацией на жанр связаны традиционные поэтические формулы: «Умру – не скажу, от кого понесла / Дитя под сердцем я» («Von wem ich's habe, das sag' ich euch nicht, / Das Kind in meinem Leib»). В

балладе Ромм раскрыл внутренние возможности трагического сюжета. Это одно из воссозданий образа Гретхен. Воспользовавшись сюжетной схемой трагедии, поэт извлек все, что потенциально в ней содержалось. Развернута метафора бессилия природы человека: ему открыт мир, но скрыты истоки тайных движений собственной души. Таким образом, возникает перевод и конкретного, и некоего обобщенного текста: он существует в совокупности различных стихотворных произведений. Поэт подбирал ритмически соответственную оригиналу форму. Искал не только ритм, но и целостную стилистическую систему.

Заключение. В центре лингвистических дискуссий кружковцев стоял вопрос о социальной, межличностной природе сознания, познания, культуры и истории. Проблема становится особенно актуальной в связи с растущим интересом к биографии. Опубликованы биографии «Гёте» (1913) и «Рембрандт» (1916) Г. Зиммеля, одного из авторов сборника «Логос». Содержанием биографии не является просто личная жизнь человека и его психология. Биография воспринимается как форма творчества, наряду с искусством, политикой, наукой и философией. Такое понимание отсылает к идеям Гёте и к книге «Lebensformen» («Формы жизни») Э. Шпрангера [Spranger, 1914].

В организации внутренней истории жизни человека для Гёте были важны понятия энтелехии и метаморфозы. «Энтелехия» мыслится в онтологическом плане. Она подразумевает бессмертие человека, его деятельную силу, направленную на активную жизнь, развитие и совершенствование. Эта сила предшествует индивидуальному физическому бытию и сохраняется после его прекращения.

Вопрос об индивидуальности, порождающей художественный текст, обсуждается в МЛК. 28 июля 1928 г. Михаил Ромм писал брату со станции Дивизионная Иркутской области: «В конце концов, мы еще имеем все основания жить – и жить будем. Жизнь нужна тебе – не только ты жизни!» [Ромм, 2001: 172]. Мотив жизни остается особой, отдельной темой с непредрешенным финалом. Но одно из обращений, «великодушный и страждущий брат мой» [Ромм, 2001:164], в известном смысле предвосхищает трагический исход жизни Ромма. 2 октября 1943 г. А. И. Ромм покончил с собой. Поэт пытался разделить то, что, казалось, признано обществом и потому должно быть справедливым. Внешние уступки, выразившиеся в тактическом использовании официального жаргона, не смогли спасти Александра Ромма.

Современник Ромма, испанский философ М. де Унамуно-и-Хуго говорил о «трагическом чувстве жизни» как о достоянии Испании и испанцев¹⁴. Оно способно противостоять рациональному оптимизму мировосприятия других европейцев. «Испанцу» Александру Ромму было присуще это «драматическое» чувство жизни. Но поэт связывает абсолютное проявление в поэзии драматического начала с самими

---

¹⁴ Напр., его сочинение «Del sentimiento trágico de la vida» (1913).

разными явлениями: и с испанской культурой, и с наследием Гёте. Оно воплощается также в печальных и счастливых приключениях, географических перемещениях, вовлекающих полмира, и в финальном возвращении на родину. Два измерения человеческой жизни – внешнее и внутреннее, общее и частное – могут быть разделены, ограничены и, наконец, вписаны в нечто большее. Поэт был человеком, «случайно попавшимся» на дороге истории.

Если вопрос задан верно, ответ всегда неожиданный. В последнее десятилетие на русский язык были переведены стихи и проза Антонио Порпетты, напр., его «El clavicordio ante el espejo» (1984, «Клавикорд перед зеркалом»). Порпетта, как и Ромм, получил филологическое образование. Он признанный знаток в области испанской генеалогии и геральдики. По убеждению Порпетты, природа нового знания состоит в стремлении соположить философии и превратить учение о вечной эволюции духа в реальность жизни отдельного человека. В этих двух судьбах можно усмотреть сходство, родственное направление творческой мысли. Так идеи Александра Ромма обрели свое смысловое и даже физическое пространство «чужого солнца и родимых книг».

Библиографический список

1. Балли, Ш. Язык и жизнь / Пер. с франц. И.И. Чельшевой, Е.В. Вельмезовой / Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
2. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. // М.М. Бахтин. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
3. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
4. Бялостоцки, Д. Разговор – как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер / Д. Бялостоцки // Бахтинский сборник. Вып.5 / Отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 75–87.
5. Васильева, Г.М. Поэт Александр Ромм в поисках сущности культуры / Г.М. Васильева // II Congreso Internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas». – Granada, 8–10 de septiembre de 2010. – In 2 t. – Т. 2. – Granada, 2010. – 2154 с.
6. Вельмезова, Е.В., Щедрина, Т.Г. Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи» / Е.В. Вельмезова, Т.Г. Щедрина // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / Под ред. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. – М.: Модест Колеров, 2009. – С. 106–126.
7. Горнунг, Б.В. Поход времени / Б.В. Горнунг. В 2-х кн. Кн. 1: Стихи и переводы. – М.: изд-во РГГУ (Библиотека Мандельштамовского общества), 2001. – 151 с.

8. Громова, Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х–30-х годов) / Н.А. Громова – М.: Эллис Лак, 2006. – 688 с.
9. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. – М.: РОССПЭН, 2005. – 719 с.
10. «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янгирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 148–182.
11. Мир Пушкина: автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников / Сост. Э.С. Лебедева, Е.В. Пролет, Г.С. Тюрина. – М.: Русская книга, 1990. – 204 с.
12. Нейштадт, В.И. «Чужая лира»: переводы из современных немецких поэтов / В.И. Нейштадт – М., Пг.: Круг, 1923. – 164 с.
13. Парнок, С.Я. Сверстники. Книга критических статей / С.Я. Парнок. – М.: Глагол, 1999. – 141 с.
14. «Письмо о судьбе» Александра Ромма / Вступ. заметка и публ. М.Л. Гаспарова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 215–226.
15. Поливанов, К.М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина» // De visu. – М., 1993. – № 7. – С. 46–49.
16. Ромм, Александр. Стихи 1927–1928 гг. / Публикация и вступительная статья Михаила Гаспарова / Александр Ромм // Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto № 2, 2002 // Размещена на сайте: http://www.utoronto.ca/tsq_/02/romm.shtml.
17. Ромм А.И. Стихи. Ночной смотр / А.И. Ромм. – М.: Узел, 1927. – 31 с.
18. Степанов В.П. Poleмика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» / В.П. Степанов // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: Сборник [статей и материалов]. Сб. 15; АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1986. – С. 204–229.
19. Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой латинской Европе / Пер. с англ. Г. Зелениной / К.Стоу. – М.: Гешарим-[Мосты культуры](#), 2007. – 430 с.
20. Тавареш Р. Небольшая книга о Великом Землетрясении. Очерк 1755 года / Пер. с португальского Е.Г. Голубевой / Р.Товареш. – СПб.: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.
21. Тодес, Е.А., Чудакова, М.О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского Лингвистического кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) / Е.А. Тодес, М.О. Чудакова // Фёдоровские чтения-1978. – М.: Наука, 1981. – С. 229–249.
22. Шенье, А. Сочинения. 1819 г. / Пер. с фр. Изд. подгот. Е.П. Гречаная / А.Шенье. – М.: Наука, 1995 («Литературные памятники»). – 608 с.

23. Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции / Е.Г. Эткинд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 600 с.
24. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Якобсон Р. Избранные работы / Пер. с англ. О. В. Звегинцевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 361–368.
25. Goethe, I.W. v. Vor Gericht / I. W. v. Goethe. Werke: in 14 Bde. – München, Verlag C.H. Beck, textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. 1989. –Bd. 1. – 804 s.
26. Lipski, J.M. Latin American Spanisch / J. M. Lipski. – New York: Longman., 1998. – 426 p.
27. Spranger, E. Lebensformen. Geistwissenschaftliche Psychologie / E. Spranger. – Halle, 1914. – 346 s.